

ДЭНИЕЛ ДЕННЕТ

Материалы к путеводителю по религиям для покупателя¹

1. Во имя любви к Господу

Бывает такое душевное состояние, знакомое *только* религиозным людям, когда стремление спастись и подбодриться сменяется внезапной потребностью превратиться в ничто и стать незаметной пылинкой в источниках и кладезях Господних. При таком состоянии духа то, чего мы прежде боялись, становится средством спасения, а миг моральной смерти обращается в миг духовного рождения. Година скорби миновала в нашей душе и наступила година счастливого отдохновения, глубокого мира, вечной жизни без заботы о страшном будущем.

Уильям Джеймс,
Многообразие религиозного опыта

Большинство людей верит в веру в Бога, даже те, что сами неспособны верить в Бога (все время). Почему они верят в это? Ответ очевиден: они хотят быть добродетельными. То есть они хотят вести добродетельную и осмысленную жизнь, и они желают этого другим, не видя никакого иного способа, как это можно сделать, помимо служения Богу. Этот ответ может быть верным, и они могут быть правы, но прежде, чем

¹ Daniel C. Dennett, *Breaking the Spell: Religion as a Natural Phenomenon*. New York: Viking, 2006, p. 249–277.

рассмотреть этот ответ с должным вниманием, нам необходимо сначала поставить проблему. Некоторые люди — и вы можете быть одним из них — находят такое решение спорным.

Позволим профессору Вере изложить эту точку зрения:

Вы говорите о рассмотрении вопроса религии так, словно речь идет о смене работы, покупке автомобиля или выполнении операции, — о вопросе, который должен быть рассмотрен спокойно и объективно со взвешиванием «за» и «против» и выводом о лучшем образе действия с «учетом всех обстоятельств». Мы же смотрим на вопрос религии иначе. Вера в веру в Бога не является вопросом наилучшей жизненной политики, которая только возможна. Этим дело далеко не ограничивается! Вы говорите о том, чтобы «делать вид, пока не уверуешь», но вы никогда не описываете прекрасного состояния тех, кто действительно «верит», чьи попытки открыть свою душу Господу увенчались успехом. Те из нас, кому знаком этот опыт, знают, что он непохож ни на какой другой опыт — радость, более теплая, чем радость материнства, более глубокая, чем радость победы на спортивных состязаниях, более экстатическая, чем радость исполнения великого музыкального произведения. Когда мы *видим свет*, мы переживаем не просто опыт «откровения», как при разгадывании загадки, внезапном узнавании черт скрытой фигуры на рисунке, понимания шутки или осознании справедливости рассуждения. Все это вообще не имеет отношения к *вере*. В этот момент мы *знаем*, что Бог — это самое важное, что вообще способно войти в нашу жизнь. Это не похоже на логический вывод; это похоже на влюбленность.

Да, мне понятна ваша мысль. Я сознательно назвал эту главу так провокационно, чтобы вызвать подобную реакцию и показать подобное возражение. Я не отрицаю описываемого вами состояния, но я предлагаю дружеское уточнение: это не просто *похоже* на влюбленность; это и есть своего рода влюбленность. Дискомфорт или даже возмущение, которое вы испытываете из-за моего спокойного призыва рассмотреть все «за» и «против» вашей религии, в точности повторяет реакцию, которую испытывает всякий, когда его просят трезво оценить свой объект любви: «Моя любимая не просто *нравится* мне, потому что, по здравом размышлении, я пришел к выводу, что все ее замечательные качества намного перевешивают ее мелкие недостатки. Я *знаю*, что она для меня единственная, и я всегда буду любить ее всей душой и сердцем». Как известно, фермеры Новой Англии так же скупы на эмоции, как и на слова или деньги. Вот один из старых анекдотов о них:

- Как твоя жена, Джеб?
- По сравнению с чем?

Может показаться, что Джеб больше не любит свою жену. И если вы так же готовы *задуматься* о сравнении своей религии с другими или с отсутствием какой-либо религии вообще, вы больше не любите свою религию. Это очень личная любовь (т.е. она не похожа на любовь к джазу,

бейсболу или горному пейзажу), но не к одному человеку — священнику, раввину или имаму — или даже группе людей — скажем, общине верующих. Речь идет не о безусловной верности им — по одиночке или всем вместе, — а о верности *системе идей*, которые их объединяют. Конечно, люди иногда влюбляются — романтической любовью — в своих священников или таких же прихожан, как и они сами, и им бывает трудно отделить такую любовь от любви к своей религии, но я не утверждаю, что такова природа любви большинства людей, любящих Бога. Я говорю, что их безусловная верность, их нежелание даже задуматься о взвешивании достоинств и недостатков, *суть* разновидность любви, причем больше похожая на романтическую, чем на братскую или интеллектуальную любовь.

Неслучайно, язык романтической любви и язык религиозной верности почти неотличимы друг от друга, и так же неслучайно, что почти все религии (за редкими исключениями, вроде пуритан, шекеров и Талибана) дарили тем, кого они любили, разные прекрасные вещи, чтобы ублажить их: грандиозные строения с декорированием всех поверхностей, музыкой, свечами и фимиамом. На вершине мировой сокровищницы величайших произведений искусства находятся религиозные шедевры. Благодаря исламу у нас есть Альгамбра и изысканные мечети Исфахана и Стамбула. Благодаря христианству у нас есть Святая София и соборы Европы. Не нужно быть верующим, чтобы быть восхищенным сюрреалистической сложностью и возвышенными пропорциями буддистских, индуистских и синтоистских храмов. «Страсти по Матфею» Баха, «Мессия» Генделя и чудные вещи, вроде рождественских гимнов, этих самых пронзительных песен любви из всех, что были когда-либо написаны человеком, и историй, которые когда-либо были положены на музыку, сами по себе обладают огромной эмоциональной силой. Режиссер Джордж Стивенс, возможно, был не так уж далек от истины, назвав свой фильм 1965 года о жизни Иисуса «Величайшей из когда-либо рассказанных историй». На это звание, конечно, имеется немало других претендентов — «Одиссея», «Илиада», Робин Гуд, «Ромео и Джульетта», «Оливер Твист», «Остров сокровищ», «Гекльберри Финн», «Дневник Анны Франк» и все другие великие повествования мировой литературы, — но по радости, напряженности, пафосности, торжественности, трагичности, героизму и злодеяниям (хотя и без всякой комической разрядки) с нею вряд ли можно сравниться. Мы *любим* истории, и Эли Визель использует историю, чтобы объяснить это:

Когда основатель хасидского иудаизма, великий раввин Исраэль Шем-Тов видел, что евреям грозила беда, он обычно уходил в особое место в лесу, чтобы предаться раздумьям. Там он зажигал огонь, произносил специальную молитву, и происходило чудо — беды не случалось. Позднее, когда его ученик, знаменитый Магид из Межерича по той же самой причине однажды обратился к небесам, он так же пошел в лес и сказал: «Господь Всемогущий, послушай! Я не знаю, как разжечь огонь, но я все еще могу

произнести молитву». И чудо снова произошло. Еще позднее, раввин Моше-Лейб из Сасова, опять-таки, чтобы спасти свой народ, пошел в лес и сказал: «Я не знаю, как разжечь огонь. Я не знаю молитву, но я знаю место, и этого должно быть достаточно». Этого было достаточно, и чудо случилось. Затем пришел черед раввина Исраэля из Рижина побороть беду. Сидя в своем кресле, обхватив голову руками, он сказал Богу: «Я не могу разжечь огонь, я не знаю молитвы, и я даже не могу найти место в лесу. Все, что я могу сделать, это рассказать историю, и этого должно быть достаточно». И этого было достаточно. Ибо Бог сотворил человека, потому что Он любит истории. (Wiesel 1966)

Нам многое дано для любви, а не только, бесспорное, прекрасные произведения искусства, истории и церемонии. В своей повседневной деятельности религиозные люди совершали немало благих дел на протяжении всей истории, облегчая страдания, давая пищу голодным, заботясь о больных. Религии доставляли комфорт принадлежности и дружеских отношений со многими, кто в противном случае провели бы свою жизнь в полном одиночестве, без славы или приключений. Они не просто оказывали первую помощь людям, оказавшимся в сложной ситуации; они предлагали средства, помогающие изменить мир таким образом, чтобы устранить такие сложности. По словам Алана Уолфа, «религия может выводить людей из кругов бедности и зависимости точно так же, как она вывела Моисея из Египта» (Wolfe 2003: 139). Многие верующие по праву гордятся своими традициями, и нам всем нужно быть признательными им.

На самом деле многие люди любят свои религии так же, если не сильнее, как и все остальное в своей жизни, и это непреложный факт. Я склонен полагать, что *ничто не может быть важнее того*, что любят люди. Во всяком случае, я не могу представить, какую ценность я мог бы поставить выше этого. Мне бы не хотелось жить в мире без любви. Можно ли назвать мир без вражды, но также и без любви, лучшим миром? Нет, если мир достигнут лишением нас любви (и ненависти) или подавлением. Можно ли назвать мир со справедливостью и свободой, но без любви, лучшим миром? Нет, если он достигается превращением нас в законопослушных существ без желаний, зависти или ненависти, возникающей из-за несправедливости и угнетения. Трудно представить такую гипотетическую ситуацию, и вряд ли мы должны доверять первым побуждениям в связи с этим, но, как бы то ни было, я подозреваю, что почти все мы хотим мира, в котором господствуют любовь, справедливость, свобода и мира, причем в как можно большей степени, но если бы нам пришлось отказаться от одной из этих составляющих, ею бы не была — и не должна была быть — любовь. Но, как ни прискорбно, даже если любовь — это главное, из этого не следует, что нам не следует ставить под вопрос вещи, которые мы — и другие — любим. Как говорят, любовь слепа, и из-за этой слепоты она часто приводит к трагедии: к конфликтам, в которых лю-

бовь сталкивается с другой любовью, в конечном итоге, неизбежно приводя к страданиям.

Предположим, я люблю музыку больше, чем саму жизнь. При прочих равных я должен иметь свободу для того, чтобы жить своей жизнью, превознося музыку, вещь, которую я люблю больше всего, всем своим сердцем и душой. Но это все равно не дает мне права заставлять моих детей заниматься музыкой день и ночь или права ввести обязательное музыкальное образование в стране, в которой я являюсь диктатором, или ставить под угрозу жизни тех, кто не любит музыку. Если моя любовь к музыке настолько сильна, что я просто неспособен оценивать ее объективно, то это свидетельствует о моей недееспособности, и другие могут со всеми основаниями притязать на то, чтобы действовать в качестве моих доверенных лиц, добросовестно принимая решения о том, что будет лучше для всех, так как моя любовь сделала меня безумным и я не могу рационально оценивать собственное поведение и его последствия. Вполне возможно, что любовь — это главное, но одной только любви недостаточно. Мир, в котором любовь бейсбольных болельщиков к своим командам заставляет их ненавидеть другие команды и их болельщиков и выливается в кровавые столкновения во время серии игр для определения победителя, будет миром, в котором любовь к чему-то определенному, сама по себе чистая и безупречная, приводит к аморальным и недопустимым последствиям.

Поэтому, хотя я и понимаю и сочувствую тем, кого возмущает мой призыв к рассмотрению доводов «за» и «против» религии, я утверждаю, что они не в праве оправдывать себя, заявляя о любви, а затем прикрываясь праведным гневом или задетым самолюбием. Любви недостаточно. Сталкивались ли вы когда-либо с мучительной проблемой, когда ваш близкий друг по уши влюблялся в кого-то, попросту недостойного его любви? Если вы скажете ему об этом, вы рискуете потерять друга и встретить резкий отпор, потому что влюбленные часто считают делом своей чести иррационально и яростно отвечать на всякое мнимое проявление неуважения к своему любимому. В конце концов, любви без этого не бывает. Когда говорят, что любовь слепа, об этом обычно говорят без сожаления. Принято считать, что любовь *должна быть* слепой; когда речь идет о настоящей любви, оценкам нет места. Но почему? Здравый смысл молчит, и упрямые экономисты долгое время считали эту идею романтической чепухой, но эволюционный экономист Роберт Франк показал, что на самом деле существует прекрасное (неинтенциональное) объяснение феномена романтической любви на буйном рынке поиска своей половинки:

Из-за затратности поисков разумно выбрать партнера еще до завершения рассмотрения всех потенциальных кандидатов. Но, как только партнер выбран, релевантные обстоятельства часто будут меняться... Возникающая в результате неопределенность делает неразумным совершение совмест-

ных инвестиций, отвечающих интересам каждой из сторон. Для облечения таких инвестиций каждая из сторон захочет создать привязанность, призванную сохранить отношения... Как показывают имеющиеся свидетельства, объективные личные качества могут быть важны при определении того, какие люди с самого начала будут сильнее всего тянуться друг к другу. Но поэты в конечном счете правы, говоря, что привязанность, которую мы называем любовью, возникает не в результате рационального рассмотрения этих качеств. Это глубоко внутренняя привязанность, в которой личность важна сама по себе. И именно в этом состоит ее ценность как решения проблемы привязанности. (Frank 1988: 195–196)

Как говорит Стивен Пинкер, «разговоры о том, что внешность, доходы и интеллект любимого отвечают вашим минимальным запросам, скорее всего, убили бы всякий романтический настрой, даже если такое утверждение статистически верно. Путь к сердцу человека состоит в утверждении обратного — что вы влюблены, потому что вы не можете ничего с этим поделать» (Pinker 1997: 418). Эта показная (или, по крайней мере, громко озвучиваемая) беспомощность должна служить свидетельством того, что вы больше не занимаетесь поисками. Но, как и все коммуникативные сигналы, которые можно легко подделать, ваш сигнал о привязанности окажется неэффективным, и в результате, как это часто бывает в мире сигналов животных, раскрутится инфляционная спираль затратных сигналов (Zahavi 1987). Когда молодые люди заваливают своих любимых подарками, которые они едва в состоянии себе позволить, это не просто уловка; гнезда шалашников — это дорогостоящие инвестиции, как и «свадебные подарки» в виде пищи и других полезных вещей у мотыльков, жуков, сверчков и многих других тварей.

Не эксплуатируется ли наша развитая способность к романтической любви религиозными мемами? Это, конечно, было бы замечательной уловкой. Это заставило бы людей думать, что нет ничего зазорного в том, чтобы гневаться, яростно нападать на всевозможных скептиков, зверски набрасываться на них, не заботясь о своей безопасности, не говоря уже о безопасности того, на кого нападают. Они полагают, что тот, кого они любят, не заслуживает такого обращения, поэтому они стремятся стереть богохульника в порошок. Отсюда берутся фетвы, но этот мем не ограничивается одним только исламом. Так, существует немало заблуждающихся христиан, которые с радостью готовы доказать глубину своей веры, поколотив меня за попытку усомниться в любви, которую они испытывают к своему Иисусу. Прежде чем они попытаются воплотить в жизнь свой порыв, надеюсь, они остановятся на минутку и задумаются, что такое действие на самом деле станет позором для их веры.

Некоторые печальные события прошлого столетия показали, что фанатики, представляющие различные веры и народности, способны осквернять свои собственные святыни и позорить и бесчестить свое дело собственными проявлениями фанатичной преданности. Возможно, Косово и было святыней для сербов после сражения 1389 года, но трудно

представить, как сербы могут продолжать почитать его после событий недавней истории. Разрушив «идолопоклоннические» буддистские памятники в Афганистане, Талибан опозорил себя и свою традицию настолько, что пройдут века прежде, чем им удастся отмыться. Убийство сотен мусульман в отместку за убийство множества индусов в храме Адшардхам в Гуджарате запятнало репутацию обеих религий, фанатичным последователям которых нужно напомнить, что остальной мир не только не тронули, но и здорово утомили такие проявления преданности. Нас, *неверных*, пожалуй, действительно впечатлило бы заявление — одностороннее или совместное, — что спорное место впредь следует считать мемориалом позора, не святыней, а напоминанием обо всем зле фанатизма.

После 11 сентября 2001 года я часто думал, что, возможно, миру повезло, что нападавшие метились во Всемирный торговый центр, а не в Статую Свободы, так как, если бы они разрушили наш священный символ демократии, боюсь, что мы, американцы, в полной мере показали бы миру, на какую невиданную доселе месть мы способны. Если бы это произошло, это осквернило бы смысл Статуи Свободы безо всякой надежды на последующее искупление — если бы вообще остались люди, которых это волновало. Мои студенты показали мне, что эта неприятная мысль может быть неверно истолкована, поэтому имеет смысл остановиться на этом поподробнее. Убийство тысяч невинных людей во Всемирном торговом центре было чудовищным преступлением, намного более страшным, чем могло бы стать разрушение Статуи Свободы. И Всемирный торговый центр был намного более подходящим символом для недовольства аль-Каиды, чем статуя свободы, но по этой самой причине он и не значил так много, как символ, *для нас*. Это был символ непомерного богатства, плутократии и глобализации, но не Свободы. И я подозреваю, что ярость, с которой многие американцы ответили бы на чудовищное осквернение дорогого для нас национального символа, самого чистого отражения наших устремлений, сделала бы здравый и взвешенный ответ необычайно сложным. Большая опасность для символов состоит в том, что они могут становиться *слишком* «священными». Религиозным людям всех вероисповеданий в XXI веке важно как можно шире распространить убеждение, что нет более постыдных деяний, чем борьба с «неверными» всех мастей путем «осквернения» флагов, крестов, священных писаний.

Но, поднимая вопрос о положительных и отрицательных сторонах религии, я рискую схлопотать по носу или и того хуже, но все же я не собираюсь отступать от своего намерения. Почему? Потому что я считаю, что очень важно развеять *эти* чары и заставить всех нас внимательно рассмотреть вопрос, с которого я начал этот раздел: *действительно ли люди правы* считая, что лучший способ вести добродетельную жизнь связан с религией? Уильям Джеймс столкнулся с той же проблемой, выступая с Джибфордскими лекциями, которые стали его величайшей книгой, «Многообразие религиозного опыта», и я повторю его призыв к сдержанности:

Я не питаю никакого пристрастия ни к сомнениям, ни к беспорядку. Я только боюсь потерять истину, остановившись на уверенности, что обладаю ею вполне. Я верю, что, непрестанно двигаясь вперед по верному пути, мы достигаем все большего и большего познания истины. И я надеюсь, что еще до окончания этих лекций мне удастся сообщить эту уверенность и моим слушателям. А пока я прошу их не высказывать бесповоротного осуждения эмпирическому методу, проповедником которого я являюсь. Перейдем к его применению в интересующей нас области.

2. Академическая дымовая завеса

Слово “Бог” отсылает к “глубине” и “целостности”, в отличие от того, что мы, люди, знаем или можем узнать. И, конечно, мы неспособны выделить и обозначить это.

*Джеймс Б. Эшбрук и Кэрл Рауш Олбрайт,
Гуманизация мозга*

Тайна есть тайна. Если, с другой стороны, мы считаем, что важно изучать, как люди говорят об идее тайны, нет никаких априорных оснований считать, что она недоступна для научного метода.

Илкка Писсиайнен, Как работает религия

Противопоставлять потоку религиозных аргументов схоластики такие слабые положения, как невозможно, чтобы одна и та же вещь и была и не была, целое больше части, два и три составляют пять, — это все равно что претендовать на то, чтобы остановить движение Океана при помощи тростинки. Вы хотите противопоставить нечестивый разум священной тайне? Нет такого наказания, которое было бы слишком велико по сравнению с вашим неверием, и те же костры, которые некогда были разожжены для еретиков, послужат также уничтожению философов.

Давид Юм, Естественная история религии

Джеймс пытался предостеречь верующих от поспешных выводов, но они не единственные, кто занимает оборонительную позицию. Более тонкую, менее грубую, но столь же неприятную помеху для прямого изучения природы религии создают и поддерживают ученые друзья религии, многие из которых являются атеистами или агностиками, не поддерживающими ни одной веры. Они хотят изучать религию, но только *по-своему*, а не так, как предлагаю я, так как мой подход кажется им «сци-

ентистским», «редукционистским» и, конечно, филистерским. Всякий, кто пытается рассматривать какую-либо составляющую человеческой культуры, а не только религию, с эволюционной точки зрения должен быть готов встретить отпор — от криков о произволе до снисходительных усмешек литературоведов, историков и исследователей культуры в гуманитарных и социальных науках.

Когда таким культурным феноменом является религия, наиболее популярным ходом оказывается упреждающая дисквалификация оппонента. Этот прием известен с XVIII века: тогда его использовали для дискредитации первых атеистов и деистов (вроде Давида Юма, барона Гольбаха и некоторых великих американских героев, Бенджамина Франклина и Томаса Пейна). Вот что писал в начале XX века Эмиль Дюркгейм: «Тот, кто не привносит в изучение религии своего рода религиозное чувство, не может говорить о ней! Он похож на слепца, пытающегося говорить о цвете» (Durkheim 1915: xvii). И полвека тому назад крупный религиовед Мирча Элиаде писал:

Точно так же религиозное явление может быть воспринято в своем подлинном существе, только если подход исследователя адекватен исследуемому явлению, если, иными словами, к нему подходят с религиозным же мерилом. Попытка познать существо таких явлений средствами физиологии, психологии, социологии, экономики, лингвистики, искусствоведения или какой-либо другой дисциплины обречена на неудачу; при этом ускользает именно то, что составляет их уникальное и ни к чему не сводимое свойство — их священный характер. (Элиаде 1999: 11)

Подобные упреждающие дисквалификации можно встретить и для защиты других тем. Только женщины вправе заниматься изучением женщин (согласно некоторым радикальным феминисткам), потому что только они могут преодолеть *фаллоцентризм*, который делает мужчин тупыми и предубежденными, чего они никогда не смогут признать и побороть. Некоторые мультикультуралисты утверждают, что европейцы (и американцы) неспособны справиться со своим европоцентризмом и понять субъективность представителей третьего мира. Подобное познается подобным, согласно этой теме во всех ее вариациях. И что же — нам нужно закрыться в изоляционистских анклавах и дожидаться смерти, так как мы никогда не сможем понять друг друга? Моя собственная дисциплина, философия сознания, также отмечена поражением: те, кто рассуждает о *таинственности* сознания, говорят, что человеческий мозг невозможно понять, что сознание — это не загадка, а неразрешимая тайна (поэтому нужно оставить попытки его объяснения). Причем все эти заявления не являются столько оборонительными, сколько протекционистскими: даже не пытайтесь, потому что мы боимся, что вы можете добиться успеха? «Вы никогда не поймете индийскую уличную магию, если вы не индус, родившийся в касте магов. Это невозможно!» Но это, конечно, возможно (Siegel 1991). «Вы никогда не поймете музыку, если вы не родились

с музыкальным слухом». Какая бессмыслица! На самом деле люди, которым сложно самим научиться играть, иногда выказывают такое понимание природы музыки и ее исполнения, которое недоступно тем, кто без труда играет на музыкальных инструментах. Точно так же Темпл Грандин (Grandin 1996), страдающая от аутизма и оттого невосприимчивая к интенциональной установке и фолк-психологии, сделала поразительные наблюдения о том, как люди преподносят себя и взаимодействуют между собой, наблюдения, которые мы, *нормальные*, сделать не смогли.

Мы не принимаем от крупных бизнесменов оправдания в духе, что, так как мы сами не являемся плутократами, мы не можем рассчитывать понять мир высоких финансов и следовательно не должны соваться в их дела. Генералы не могут избежать гражданского надзора, заявив, что только тот, кто носит форму, может оценить то, чем они занимаются, и врачи должны раскрывать свои методы и практики перед экспертами, которые сами врачами не являются. И было бы преступной халатностью позволить педофилам утверждать, что понять их может только тот, кто сам имеет педофильские наклонности. Так что мы можем сказать тем, кто утверждает, что только верующим, только тем, кто глубоко понимает священное, необходимо доверить изучение религиозных явлений, что они заблуждаются как насчет фактов, так и насчет принципов. Они заблуждаются насчет воображаемых и познавательных способностей тех, кому они отказывают в праве на исследование, и они заблуждаются, полагая, что допустимо ограничивать изучение религии теми, кто сам религиозен. Если мы будем говорить об этом вежливо, настойчиво и часто, они могут, в конце концов, прекратить разыгрывать эту карту и позволить нам продолжить наши исследования, несмотря на отсутствие у нас веры. Нам просто придется больше работать.

Схожей дымовой завесой оказывается также более общее заявление, что методы естественных наук не позволяют добиться тех же успехов в изучении человеческой культуры, что и «семиотика» или «герменевтика» без каких-либо экспериментов. Известный сторонник этой позиции — антрополог Клиффорд Гирц — изложил ее так:

Разделяя точку зрения Макса Вебера, согласно которой человек — это животное, висящее на сотканной им самим паутине смыслов, я принимаю культуру за эту паутину, а ее анализ — за дело науки, не экспериментальной, занятой поисками законов, но интерпретативной, занятой поисками значений. (Гирц 2004: 11)

Может, в 1973 году это и было так, но теперь дело обстоит иначе. То, что мы, люди, плетем «паутины смыслов», не вызывает сомнения, но эти «паутины» можно анализировать методами, которые используют эксперименты и отработанные методы естественных наук. Интерпретация в естественных науках не противопоставляется эксперименту, и наука не подводит все под какой-то один общий закон. Вся когнитивная наука и вся эволюционная биология, например, интерпретационны

настолько, что схожи с некоторыми интерпретационными стратегиями гуманитарных наук и антропологии (Dennett 1983,1995).

На самом деле одно из немногих важных различий между естественными и гуманитарными науками состоит в том, что слишком многие мыслители в гуманитарных науках признали правоту постмодернистов: все это только истории, и вся истина относительна. Культурный антрополог, имени которого я называть не стану, недавно заявил своим студентам, что одна из величайших вещей в его области состоит в том, что, используя один и тот же набор данных, два антрополога никогда не придут к одной интерпретации. Вот так! Ученые-естественники часто имеют разногласия относительно того, как интерпретировать общий набор бесспорных данных, но они в этом видят начало пути к решению: кто из них ошибается? Эксперименты и дальнейшие статистические исследования призваны *ответить* на вопрос, открыв истину (не с большой буквы «И» — Истину обо всем, а просто рядовую истину об этом небольшом фактическом разногласии). И именно этот последующий процесс (который может занять годы) объявляется невозможным или ненужным этими идеологами, высмеивающими саму идею того, что в таких вопросах существуют объективные истины, которые следует обнаружить. Они не могут утверждать, что *доказали*, что объективной истины не существует, потому что это было бы явным внутренним противоречием, — будем радоваться, что хотя бы здесь они проявляют почтение к логике. Поэтому они ограничиваются рассуждениями о предрассудках и наивности всякого, кто еще верит в истину. Трудно передать, насколько скучно это непрерывное оборонительное глумление, и не удивительно, что некоторые исследователи перестали пытаться опровергнуть его и в ответ сами принялись высмеивать оппонентов:

Например, прямо сейчас я печатаю на своей клавиатуре с намерением создать последовательное повествование о логике постмодернизма. Если бы кто-то занимался изучением меня, то он мог бы взглянуть дальше поверхностного уровня намерения, которое я только что изложил и сделать вывод, что на самом деле я изобретаю этот рассказ по личным причинам, чтобы содействовать развитию собственной академической карьеры. Для достижения этой цели, могли бы сказать они, я конструирую дискурс, который отделяет меня от других и тем самым повышает мою ценность как автора. (Чем больше я вас запутываю, тем более умным я кажусь!) Почему я делаю это? Потому что я — своекорыстный белый гетеросексуальный привилегированный протестант, использующий знание для получения и поддержания власти (стратегия не здравого смысла, а манипуляций и эксплуатации). Для постмодернистов, то, что подается как истина, — это изобретение, всего лишь точка зрения на реальность, которая маскирует то, чем я занимаюсь на самом деле: обманом с целью достижения и сохранения власти. (Slone 2004: 39–40)

Первопроходцам, занимавшимся научным изучением религии, — Атрану, Буайе, Даймонду, Данбару, Лоусону, МакКоли, МакКлинону,

Сперберу, Уилсону и другим — не раз приходилось сталкиваться с такими упреками. В конце концов, забавно видеть, как все они пытаются защититься от таких нападков и, вслед за Уильямом Джеймсом, молят о непревзойтой аудитории. Сколько можно молить об этом! Самое интересное, что эти бесстрашные «незванные гости» были намного более добросовестными исследователями, пытавшимися предложить сочувственное, просвещенное видение религии, нежели самозванные защитники религии в попытках понять точку зрения и методы тех, кому они сопротивлялись. Если бы гуманитарные защитники изучали эволюционную биологию и когнитивную нейронауку (а также статистику и все остальное) с теми же старанием и вниманием, с которыми ученые-естественники занимались изучением историй, обрядов и верований различных религий, они бы стали достойными критиками подхода, которого они так боятся.

Когда цюрихский классик Вальтер Буркерт решил предложить своим коллегам-гуманитариям биологические размышления о происхождении религии в своих Джиффордских лекциях 1989 года, он стал первым гуманитарием, который попытался пересечь эту пропасть, двигаясь с другой стороны. Буркерт — выдающийся историк античной религии, знакомый с антропологией, лингвистикой и социологией, и он начал самостоятельно изучать эволюционную биологию, которая, по его мнению, должна была обосновать его теоретические усилия. При чтении его книги «Создание сакрального: следы биологии в ранних религиях» (Burkert 1996) видно, насколько ценными оказываются его исторические познания в контексте биологических вопросов. Некоторую озабоченность вызывает его стремление старательно избегать возбуждения чувств его коллег-гуманитариев при внесении этих путающих биологических понятий в их мир (Dennett 1997, 1998).

Ученым-естественникам есть чему поучиться у историков и антропологов. И для конструктивного сотрудничества уже существует подходящая среда в виде междисциплинарных журналов, вроде «Журнала научного изучения религии» (*Journal for the Scientific Study of Religion*), «Метод и теория в исследовании религии» (*Method & Theory in the Study of Religion*) и «Журнала познания и культуры», а также профессиональных обществ и веб-сайтов. Одна из моих задач здесь состоит в том, чтобы облегчить последующим исследователям вхождение в эти запретные зоны и знакомство с дружелюбными туземцами, с которыми можно сотрудничать, не прорубая свой путь сквозь полчища врагов. Они обнаружат, что антропологи и историки уже размышляли о большинстве их «новых» идей и им есть что сказать о проблемах, связанных с ними, поэтому я советую им вести себя скромно, задавать много вопросов и игнорировать зачастую грубые и снисходительные выпады со стороны тех, кому их подход внушает страх.²

² Из недавних примеров см.: Dupre 2001. Я бы предпочел проигнорировать его, но, так как меня попросили написать рецензию на эту работу, я решил воспользоваться

3. Почему важно, что ты веришь?

Теперь мы перейдем к оценке их, начав с вопроса: могут ли они доставить нам материал, необходимый для того, чтобы высказать суждение об абсолютной ценности религии?

*Уильям Джеймс,
Многообразие религиозного опыта*

Я не просто не верю в Бога и, естественно, надеюсь, что никакого Бога нет! Я не хочу, чтобы Бог существовал; я не хочу, чтобы мир был таким.

Томас Нагель, Последнее слово

Прежде чем мы сможем спокойно перейти к главному вопросу, нужно разобраться с еще одним, поменьше. Почему люди верят в веру в Бога? Многие ответят: да просто потому, что Бог существует! Они верят в деревья и горы, столы и стулья, людей и места, ветер и воду — и в Бога. Это действительно объяснило бы их веру в Бога, но не то, почему они считают веру в Бога такой важной. В частности, почему людей так волнует вера в Бога *других* людей? Я верю, что центр Земли состоит по большей части из расплавленного железа и никеля. В сравнении с другими вещами, в которые я верю, это довольно важный и захватывающий факт. Просто представьте: неподалеку существует шар из расплавленного железа и никеля; размером с Луну, но куда ближе; на самом деле, он находится где-то между мной и Австралией! Многие люди об этом не знают, и это плохо, так как это крайне занятный факт. Но на самом деле меня не волнует, что они не разделяют моей веры или моего восхищения. Почему должно быть так важно, разделяют или нет другие твою веру в Бога?

Это важно для Бога? Могу представить, что Иегова действительно мог бы взбеситься, узнав, что многие забыли о Его могуществе и величии. Величественная ревность и гордость Иеговы, а также его жажда восхвалений и жертвоприношений, отчасти и делает его таким восхитительным героем историй Ветхого завета. Но мы ушли от этого Бога (разве нет?). Ведь Созидательный ум, который, как полагают многие, проделал работу по сотворению всего и который мы, эволюционисты, приписываем естественному отбору, не похож на такое ревнивое существо, не так ли? Я знаю профессоров, способных выйти из себя, если вы сделаете вид, что не слышали о какой-то из их работ, но трудно представить, почему Созидательный ум, который изобрел ДНК и метаболи-

ся случаем и побрызгать: Dennett 2004. О печальных эксцессах постмодернизма см. также: Dennett 1997.

ческий цикл, мангровые деревья и кашалотов, будет волновать, признает какое-то из Его творений Его авторство или нет. Второй закон термодинамики не заботится о том, верят в него или нет, и мне кажется, что основа всего сущего должна быть таким же неподвижным двигателем.

Однажды один антрополог рассказал мне об африканском племени (не помню точно его названия), которое вело торговлю с соседями очень неторопливо. Посланнику, отправленному пешком в соседнее племя, по прибытии нужно было передохнуть денек перед тем, как заняться делами, дождавшись, пока его нагонит отставшая от него в пути его душа. Очевидно, души в этой культуре не отличались особой расторопностью. Подобную задержку во времени можно наблюдать и в переходе, который совершили многие верующие от крайне антропоморфного Бога к более абстрактному и труднообразимому Богу. Они по-прежнему используют антропоморфный язык, говоря о Боге, который вовсе не является сверхъестественным *существом*, а представляет собой всего лишь *сущность* (если воспользоваться полезной, хотя и философски сомнительной терминологией Старка). Понятно, почему дело обстоит именно так: это позволяет им сохранить все коннотации, необходимые для осмысленной *личной* любви к Богу. Полагаю, можно испытывать некое *восхищение* законом природы или быть *благодарным* ему — «Как здорово, что есть сила тяжести! Она никогда не подводит!», — но подлинным объектом обожания неизбежно должна быть некая *личность*, хотя и непостижимая, в отличие от нас, говорящих двуногих без перьев. Только личность может разочароваться в вас, если вы поступаете неправильно, ответить на ваши мольбы или простить вас, поэтому «теологическая некорректность», которая сохраняется в представлении о Боге как о мудром старце на небе, не только допускается экспертами, но даже неявно поощряется.

На рубеже XX столетия Уильям Джемс говорил: «В наше время божество, требующее человеческих жертв, показалось бы настолько чудовищно жестоким, что мы не согласились бы считать его за бога», но сто лет спустя мало кто открыто согласился бы с Томасом Нагелем, который прямо говорит, что ему бы не хотелось, чтобы такой бог существовал. (Сомневаюсь, что Нагель считает *Deus sive Natura* — Бог, или Природа — Спинозы неприемлемым, и он вполне может быть таким же равнодушным, как и я, к «основе всего сущего», что бы под этим ни понималось). Если на то пошло, многие люди утверждают, что антропоморфный язык, используемый для описания Бога, является метафорическим, а не буквальным. В этом случае, можно было бы предположить, что за эти годы интересное прилагательное «богобоязненный» должно было выйти из обихода, сохранившись только как напоминание о неловком периоде юношеского становления наших религий, но до этого пока далеко. Люди хотят Бога, которого можно любить и бояться так, как вы любите или боитесь другого человека. «Религия, говоря коротко, является одной из обширнейших глав истории человеческого эгоизма. Боги, которым поклоняются культурные люди, как и боги дикарей, оди-

наково благосклонно выслушивают обращенные к ним личные призывы и мольбы, — отмечал Джеймс. — В наше время, как и в глубокой древности, религиозный человек скажет вам, что он познает божество в «глубоко личных, эгоцентрических переживаниях».

Конечно, многим верующим все это хорошо знакомо. Бог — это, конечно, личность, которая разговаривает с ними самими, если не на повседневной основе, то по крайней мере в момент откровения, случающегося хотя бы раз в жизни. Но, как отмечал Джеймс, самим верующим не следует придавать слишком большого значения таким событиям:

Такие явления, как небесные голоса, видения, внезапное уяснение смысла неожиданно попавшегося на глаза текста и проникновение им, или потрясающие эмоции и бурные аффекты, сопровождающие кризис духовного перерождения, — все могут быть вызваны вполне естественными причинами, или даже хуже, — могут быть подделкой Дьявола.

Поэтому, несмотря на убедительность сильных личных переживаний для некоторых людей, подобные откровения не следует принимать в расчет. Их нельзя использовать в наших общих рассуждениях. Философы и теологи сломали немало копий при обсуждении вопроса о том, добродетельны ли поступки, потому что Бог любит их, или Бог любит их, потому что они добродетельны, и хотя эти вопросы могут звучать осмысленно в рамках теологической традиции, во всякой «экуменической» среде, в которой мы стремимся достичь «всеобщего согласия», нам следует сделать выбор в пользу последнего предположения. Более того, история явно свидетельствует о том, что, по прошествии времени, представления людей о том, что считается допустимым, а что — нет, изменились, а вместе с ними и представления о том, что Бог любит и ненавидит. Те, кто считает богохульство или прелюбодеяние преступлением, заслуживающим смертной казни, сегодня, слава Богу, в меньшинстве. И все же у людей есть причины беспокоиться о вере в Бога у других людей — ведь они хотят, чтобы мир стал лучше. Они считают, что, делясь с другими своей верой в Бога, этой цели можно достичь быстрее всего, хотя это вовсе не очевидно.

Я тоже хочу, чтобы мир стал лучше. Именно поэтому я хочу, чтобы люди поняли и приняли эволюционную теорию: я верю, что от этого может зависеть их спасение! Каким образом? Открывая им глаза на опасности пандемий, деградацию окружающей среды и утрату биологического разнообразия и указывая им на отдельные недостатки человеческой природы. Не является ли моя вера в то, что вера в эволюцию — это путь к спасению, религией? Нет, здесь есть большая разница. Мы, любящие эволюцию, не уважаем тех, чья любовь к эволюции мешает им думать о ней ясно и рационально! Напротив, мы критически относимся к тем, чьи заблуждения и романтические ошибочные утверждения об этих прекрасных идеях вводят в заблуждение их самих и других. На наш взгляд, здесь не должно быть никаких тайн или непостижимости. Да, в эволюционной

теории есть место смирению, страху и явному восхищению, но она несовместима с желанием отречься от разума и не служит этой цели. Поэтому я считаю распространение теории эволюции своим моральным долгом, но эволюция не является моей религией. У меня нет религии.

И теперь, принеся свои извинения тем, кого выводит из себя такая постановка вопроса, я все же перейду к его рассмотрению: каковы положительные и отрицательные стороны религии? Заслуживает ли она глубокой преданности, которую она воспитала у большинства населения планеты? Уильям Джеймс также задавался этим вопросом, и я буду приводить его слова, ставя интересующие нас вопросы, потому что они прекрасны сами по себе, а также потому, что они показывают определенный прогресс, которого мы достигли в прошлом столетии, проясняя и заостряя наши мысли во многих отношениях. Задолго до того, как вообще начали говорить о мемах и меметике, Джеймс отмечал, что религии эволюционировали, несмотря на все свои заявления о «вечных» и «неизменных» принципах, и эта эволюция всегда отвечала представлениям о том, что ценно для человека:

Применим в данном случае критерий здравого смысла, и он покажет нам, насколько религиозная жизнь может быть рассматриваема, как высший род деятельности человеческого духа... Это общий закон вымирания всего непригодного и выживания всего нужного человеку, перенесенный в область религиозных верований. И если мы бросим на историю беспристрастный взгляд, мы должны будем признать, что во все времена не было другого критерия при возникновении или принятии какой бы то ни было религии.

Когда Джеймс говорит о «непригодном», он имеет в виду что-то вроде «непригодного для человеческого использования», а не «биологически» или «генетически» непригодное, и этот выбор слов осложняет понимания его мысли. Несмотря на его желание взглянуть на историю беспристрастно, эта фраза выдает его оптимизм: мемы, которые на протяжении столетий сопротивлялись исчезновению, — это и есть мемы, которые способствуют развитию человечества. Чему именно они способствуют — человеческой генетической приспособленности? человеческому счастью? человеческому благополучию? Джеймс предлагает нам глубоко викторианскую разновидность дарвинизма: то, что выживает, *должно* быть хорошим и полезным, потому что эволюция — это всегда *движение к лучшему*. Способствует ли эволюция благу? Все зависит, как мы видели, от того, как ставится вопрос *cui bono?* и какой на него дается ответ.

Но теперь мы перейдем от объяснения и описания к оценке, как сказал Джеймс, задавшись вопросом о том, что *должно* быть, а не просто, что *есть* (и как оно возникло):

Если жизненные плоды обращения полезны, то мы должны высоко ценить это явление, хотя бы оно и имело вполне естественное психоло-

гическое происхождение; в противном случае мы не должны придавать ему ценности, даже если происхождение его сверхъестественно.

Делает ли религия нас *лучше*? Джеймс выделил два случая, в которых это может быть верно. Она может делать людей *более эффективными* в своей повседневной жизни, более здоровыми, физически и психически, более волевыми и сдержанными, более стойкими перед соблазнами, менее разочарованными, более способными справляться с тяготами, не опуская рук. Он называет это «духовным врачеванием». Или она может делать людей *нравственно лучше*. Религия достигает этих целей благодаря тому, что он называет «святостью». Или она может способствовать достижению обеих целей в различной степени и в различных обстоятельствах.

4. Что ваша религия может сделать для вас?

Религия в лице духовного врачевания дает некоторым из нас душевную безмятежность, нравственное равновесие, счастье и предупреждает некоторые виды болезней так же, а по отношению к целому ряду лиц, быть может, и лучше, чем наука.

*Уильям Джеймс,
Многообразие религиозного опыта*

Никто не осмелится предположить, что мигающая неоновая вывеска с надписью “Иисус спасает” может быть ложной.

Р. Лоуренс Мур, Бог на продажу

Молиться — домогаться, чтобы законы Вселенной были отменены ради одного, и притом явно недостойного просителя.

Амброз Бирс, Словарь Сатаны

В опасном мире людей, которые молят о своей безопасности, всегда будет больше, чем людей, которые этого не делают.

*Закон действенности молитвы
Николаса Хамфри³*

Джеймс полагал, что существуют два совершенно разных типа людей, здоровых духом и больных духом, которые берут от религии разное,

³ Согласно Буркету, Диагор высказал схожую мысль несколько тысячелетий тому назад:

Диагору-безбожнику в храме Самофракии сказали: «Ну вот, ты, который считаешь, что богам глубоко безразличны людские дела, что ты скажешь о стольких

и отмечал, что церкви сталкиваются с «непрерывной внутренней борьбой живой религии меньшинства против обратившейся в привычку религии большинства». Вы не можете постоянно всем нравиться, поэтому каждая религия должна идти на компромиссы. Его неформальные опросы и исследования предвосхитили интенсивное и иногда весьма сложные «исследования рынка», проводимые религиозными лидерами в последние годы, а также более академические исследования психологов и социологов, пытающихся оценить обоснованность притязаний религии. Во времена Джеймса движения религиозного возрождения переживали расцвет благодаря светским сторонникам всевозможных фантастических продуктов и режимов. Сегодняшняя телевизионная реклама «самопомощи» продолжает традицию первых торговцев, сбывавших свои товары на ярмарках и съёмных театрах:

Постоянно слышишь о «Евангелии Отдохновения», слышишь клич: «Не страдайте», узнаешь о людях, которые, одеваясь по утрам, повторяют как лозунг своего дня: «Молодость, здоровье, бодрость!»

Джеймс задавался вопросом, действовали ли религии так же хорошо или даже лучше своих светских аналогов, и отмечал, что, несмотря на протесты религий против отчужденности науки, на самом деле они всегда опираются на «эксперимент и проверку»: «Живите так, как если бы мои положения были истинными, — говорит это учение, — и каждый прожитый вами день докажет вашу правоту». Иными словами, вы ощутите результаты на себе; попробуйте, и вам понравится. «В наше время, время торжества авторитета науки, это учение объявило войну научной философии и одерживает победы, пользуясь средствами и оружием самой науки».

Лучшие продавцы — это довольные клиенты, и даже если смысл принадлежности к церкви не в этом, нет ничего дурного в том, чтобы уделять особое внимание факторам, способным улучшить здоровье, духовное и физическое, преданных и активных членов. Если бы я занимался созданием светской организации, ставящей перед собой целью достижение мира во всем мире, я бы внимательно следил за всем, что может принести пользу здоровью или процветанию членам организации, так как ей пришлось бы конкурировать со всеми остальными способами того, как можно потратить свое время и силы. Даже если я рассчитываю на пожертвования от членов и поощряю их, мне все равно нужно трижды все взвесить и устранить все недостатки, заменив их по возможности выгодами, чтобы иметь основания надеяться на получение *больших* пожертвований.⁴

людях, спасенных милосердием?» «Пусть так, — парировал безбожник. — Но ведь тут нет изображений утонувших, а их несравненно больше». (Burkert 1996: 141).

⁴ Старк и Финк (Stark and Finke 2000) утверждают, что дорогостоящие жертвы являются важной *привлекательной чертой* религии, но только потому, что «ты получа-

Так полезна ли религия для здоровья? Имеется немало свидетельств того, что многие религии добились больших успехов в этом отношении, улучшив здоровье и моральное состояние своих членов. Например, расстройства питания, вроде анорексии и булимии, среди женщин встречаются в мусульманских странах, где физическая привлекательность женщин не так важна, намного реже, чем в вестернизированных странах (Abed 1998). В нынешней волне интереса к религии используются все статистические средства эпидемиологии и здравоохранения для выяснения таких вопросов, как живут ли прихожане дольше тех, кто не посещает церковь, насколько ниже у них вероятность инфаркта и т.д., причем в большинстве исследований результаты оказываются положительными и зачастую выглядят более чем убедительно. (Обширный обзор, правда, уже устаревший, см.: Koenig et al. 2000). Первые результаты впечатляют, но вызывают скептическую реакцию отдельных атеистов, которые продолжают связывать эти вопросы с тем, насколько верны или нет те или иные религиозные верования. Из исследований, связанных с множеством различных видов деятельности, мы знаем, что, если вы произвольно называете половину группы субъектов, что они «выше среднего» в данном вопросе, они добьются больших успехов, поэтому влияние ложных убеждений на улучшение человеческих способностей уже установлено. Имеются исследования (напр.: Taylor and Brown 1988), которые показывают, что позитивные иллюзии улучшают психическое здоровье, но есть и те, кто говорит, что это небезопасно (Colvin and Block 1994).

Может оказаться, что вера в Бога (и участие во всех практиках, связанных с этой верой) улучшает ваше самочувствие и, следовательно, состояние здоровья, скажем, на 10%. Нам нужно провести исследование, чтобы убедиться в этом, учитывая, что вера в то, что на Землю придут космические пришельцы, которые собираются взять нас на свою планету и научить нас летать (и всем остальным видам деятельности, которые соответствуют *этой* вере), способна улучшить наше самочувствие и состояние здоровья на 20%! Мы не узнаем, пока не проведем эксперименты, но, поскольку мировая литература полна историй о людях, которым заблуждения пошли на пользу, не стоит удивляться тому, что тщательно отобранная неправда может иметь положительные последствия, и если бы подобные выдумки оказались эффективнее какой-то известной религиозной веры, нам следовало бы поставить моральный вопрос о том, насколько улучшение здоровья может оправдать такое сознательное искажение действительности.

Имеющиеся результаты выглядят убедительно, но они нуждаются в дополнительном изучении.⁵ Поскольку под действием скептицизма

ешь то, за что ты платишь», и частью того, что ты получаешь, может быть здоровье и процветание.

⁵ Этой теме посвящено немало исследований. Из лучших см.: Ellison and Levin 1998; Chatters 2000; Sloan and Bagiella 2002; Daaleman et al. 2004.

ма — оправданного или нет — благотворное влияние, которое, по видимому, действительно оказывают религии, может ослабнуть, нас призывают быть осторожными. Многие изученные психологами эффекты проявляются у *наивных субъектов*, сравнительно неосведомленных о механизмах действия и условиях явлений. Эти эффекты ослабевают или полностью исчезают, когда субъекты получают больше сведений. Нам нужно сознавать возможность того, что благотворные последствия, если подвергнуть их дальнейшему изучению, *могут* оказаться под угрозой, оказавшись под пристальным вниманием общественности. С другой стороны, эти эффекты вполне могут сохраняться, если их удастся оградить от скептического рассмотрения. Поживем — увидим. И, конечно, если благотворные последствия могут исчезнуть при интенсивном изучении, можно предположить, что те, кто уверен в том, что эффекты реальны, возражат, что неблагоприятный «климат скептицизма» враждебен к этим эффектам, заставляя совершенно реальные явления исчезать под ярким светом науки. И они могут быть правы. Или неправы. Нет никаких прямых подтверждений этого.

Здесь больше, чем в любой другой области конфликта между наукой и религией, те, кто сомневается в авторитете науки или боится ее, будут заниматься душевными поисками. Признают ли способность должным образом проведенных научных исследований разрешить такие спорные фактические вопросы или подождут с вынесением суждений, дождавшись вердикта? Если окажется, что, несмотря на разрозненные свидетельства и горы подтверждений, религия не лучше альтернативных источников благополучия, согласятся ли они признать этот результат и *прекратить заниматься рекламой*? Некоторые крупные фармацевтические компании сегодня обвиняются в том, что они пытались не допустить публикации исследований, финансируемых ими самими, которые не смогли доказать эффективность их продуктов. Кажется очевидным, что в будущем этим компаниям придется заранее согласиться с публикацией всех исследований, которые они финансируют, независимо от результатов. Таков этос науки: ценой, которую приходится платить за авторитетное подтверждение излюбленной гипотезы, является риск авторитетного опровержения. Тем, кто хочет говорить о пользе религии для здоровья, придется играть по тем же самым правилам: докажете или перестаньте говорить об этом на всех углах. И если вы попытаетесь доказать это и потерпите неудачу, вы должны будете сказать об этом нам.

Потенциальная выгода от объединения усилий с научным сообществом в таких вопросах огромна: использование авторитета науки для подтверждения того, во что вы верите всей душой и сердцем. Не даром новые религии последних двух веков получали имена, вроде «христианской науки» и «сайентологии». Даже римско-католическая церковь со своим печальным наследием преследования своих собственных уче-

ных недавно попыталась найти научное подтверждение — и согласиться с риском опровержения — своих традиционных заявлений, скажем, о Туринской плащанице.⁶

Одно из течений в нынешней волне исследований религии поднимает намного более важную проблему. Сейчас полным ходом идут исследования эффективности молитвы о заступничестве, «молитве с реальной надеждой и реальным представлением, что Бог заступится за какого-то человека или людей» (Longman 2000). По своему посылу они совершенно непохожи на исследования, упомянутые ранее. Как уже было сказано, ученые имеют немало средств, способных объяснить общую пользу для здоровья молитвы, соблюдения религиозных обрядов и уплаты десятины; и для объяснения этой пользы не нужно обращаться ни к ка-

⁶ В 1996 году папа Иоанн Павел II заявил, что «новое знание приводит нас к признанию того, что теория эволюции — это не просто гипотеза», и хотя многие биологи приветствовали это признание фундаментальной научной теории, которая объединяет всю биологию, они с тревогой отмечали, что далее Папа утверждал, что переход от обезьяны к человеку сопряжен с «переходом к духовному», который невозможно объяснить биологией:

Следовательно, теории эволюции, которые, в соответствии с вдохновляющей их философией, считают, что дух возникает из сил живой материи или просто представляет собой эпифеномен этой материи, несовместимы с истиной о человеке. И они не способны обосновать достоинство человека... Наблюдающие науки все более точно описывают и измеряют множество проявлений жизни и связывают их с временной шкалой. Момент перехода к духовному не может быть объектом подобного наблюдения, который, тем не менее, можно обнаружить на экспериментальном уровне в ряде весьма ценных знаков, указывающих на то, что характерно для человека. (John Paul II 1996)

Недавно кардинал Кристоф Шонборн, архиепископ Вены, опубликовал в *New York Times* (7 июля 2005) статью, полемизирующую с редакционной позицией, в которой высказал сожаление в связи с неверным истолкованием этого письма как признания эволюции и подчеркнул, что официальная позиция римской католической церкви на самом деле полностью противоположна неodarвинистской теории эволюции путем естественного отбора. Картина, когда епископы и кардиналы римской католической церкви рассказывают верующим о ложности неodarвинистской биологии, могла бы выглядеть смешной, если бы в истории этой церкви не было печальных эпизодов преследования ученых, теории которых считались доктринально неудобными.

Согласно архиепископу Шонборну, католики могут использовать «светоч разума» для того, чтобы прийти к выводу, что «эволюция в неodarвинистском понимании этого слова — неуправляемого, незапланированного процесса случайных изменений и естественного отбора» — попросту невозможна, выводу, явно опровергаемому тысячами наблюдений, экспериментов и расчетов биологов, когда они используют свой «светоч разума». Поэтому, несмотря на некоторые важные уступки, сделанные в последнее время, — и официальные извинения перед Галилеем, спустя много столетий после произошедших событий, — римская католическая церковь по-прежнему занимает неуклюжую и необоснованную позицию, пытаясь опереться на авторитет науки, когда ее выводы устраивают католиков, но резко отвергая ее, когда она вступает в противоречие с ее традициями.

ким сверхъестественным силам. Но если проведенная должным образом проверка с двойным контролем на достаточно большой выборке покажет, что самочувствие людей, которые молятся, будет намного лучше, чем у людей, которые получают одинаковое с ними медицинское обслуживание, но при этом не молятся, наука не сможет объяснить этого, не совершив серьезной революции.

Многие атеисты и другие скептики глубоко убеждены, что подобные эффекты попросту невозможны, и с нетерпением ждут результатов такой проверки. Те же, кто верит в действенность молитвы о заступничестве, занимают здесь жесткую позицию. Ставки высоки, ибо, если проведенные должным образом исследования *не выявят никакого положительного эффекта*, религиям, которые практикуют заступническую молитву, в соответствии с принципом правдивости в рекламе придется отказаться от всех заявлений об их действенности, подобно тому как в таких обстоятельствах поступают фармацевтические компании. С другой стороны, положительные результаты заставили бы науку отказаться от своих обвинений. После пяти веков постепенного отступления перед лицом наступающей науки религия смогла бы показать, на языке, признаваемом учеными, что ее притязания на истину не были бесосновательными.

В октябре 2001 года *New York Times* сообщила о примечательном исследовании Колумбийского университета, которое доказывало, что бесплодные женщины, молившиеся о беременности, беременели вдвое чаще, чем те, что не молились. Опубликованные в крупном научном журнале — «Журнале репродуктивной медицины» (*Journal of Reproductive Medicine*) — эти результаты попали в заголовки газет, так как Колумбийский университет не входил в число учебных заведений библейского пояса и повода для подозрений не было. Его медицинская школа, оплот медицинского истеблишмента, подтвердила полученные результаты в пресс-релизе, который гарантировал, что это было надежное исследование.

Но, в конце концов, выяснилось, что это было результатом научной подтасовки. Двое из троих авторов оставили свои должности в Колумбийском университете, а третий, Дэниел Вирт, который не был связан с университетом, недавно признал себя виновным по другим делам, связанным с почтовым и банковским мошенничеством, — к тому же он вообще не имел медицинского диплома (Flamm 2004). Таким образом, одно исследование дискредитировано, а другие подверглись суровой критике, хотя полным ходом сейчас идут другие исследования, включая крупное исследование доктора Герберта Бенсона и его коллег по гарвардской медицинской школе, финансируемое фондом Темплтона, так что вердикт о гипотезе, что молитва о заступничестве работает, пока не вынесен (см., напр.: Dusek et al. 2002). Даже если в конце концов исследования покажут, что она не работает, у нас по-прежнему будет иметься немало свидетельств пользы религи-

озной активности, о которой всегда говорили церкви. Преподобный Реймонд Дж. Лоуренс-младший, руководящий пастырским попечением в пресвитерианской больнице Нью-Йорка/Медицинском центре Колумбийского университета, высказывает более либеральную точку зрения:

Невозможно проверить Бога, а именно этим вы и занимаетесь, когда готовите исследование, призванное установить, откликается Бог на ваши молитвы или нет. Такие действия унижают религию и способствуют развитию наивной теологии, согласно которой Бог чудесным образом опровергает законы природы в ответ на наши мольбы. (Carey 2004: 32)

В одном из недавних исследований (Lung et al. 2003) был сделан вывод о том, что длительное воздействие фимиама и горящих свечей может оказывать негативное влияние на здоровье, но имеется множество других свидетельств того, что активное участие в религиозных организациях может улучшить моральное состояние и, следовательно, состояние здоровья участников. Кроме того, защитники религии могут справедливо указывать на менее осязаемую, но все же весьма ощутимую пользу для своих последователей, вроде обретения смысла жизни! Страждущие, даже если не происходит заметного улучшения их морального состояния, вполне могут получить некоторое утешение от знания, что о них помнят, что они не забыты. Было бы ошибкой полагать, что эта «духовная» польза не имеет никакого значения в перечне причин, которые мы, скептики, пытаемся оценить, так же, как неверно считать, что отсутствие эффекта от молитвы о заступничестве доказывает, что молитвы бесполезны. Есть и более тонкая польза, которую следует принимать во внимание, но для начала нужно определить, в чем она состоит.

Перевод с английского Артема Смирнова

Литература

- Гирц, Клиффорд, 2004, *Интерпретация культур*. М.: РОССПЭН.
- Элиаде, Мирча, 1999, *Избранные сочинения. Очерки сравнительного религиоведения*. М.: Ладомир.
- Abed, Riadh, 1998, 'The Sexual Competition Hypothesis for Eating Disorders,' *British Journal of Medical Psychology*, vol. 17, no. 4, pp. 525–547.
- Burkert, Walter, 1996, *Creation of the Sacred: Tracks of Biology in Early Religions*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press.
- Carey, Benedict, 2004, 'Can Prayers Heal? Critics Say Studies Go Past Science's Reach.' *New York Times*, October 10.
- Chatters, Linda M., 2000, 'Religion and Health: Public Health Research and Practice,' *Annual Review of Public Health*, vol. 21, pp. 335–367.

- Colvin, J. Randall, and Jack Block, 1994, 'Do Positive Illusions Foster Mental Health? An Examination of the Taylor and Brown Formulation,' *Psychological Bulletin*, vol. 116, no. 1, pp. 3–20.
- Daaleman, Timothy P., Subashan Perera, and Stephanie A. Studenski, 2004, 'Religion, Spirituality, and Health Status in Geriatric Outpatients,' *Annals of Family Medicine*, vol. 2, pp. 49–53.
- Dennett, Daniel C., 1983, 'Intentional Systems in Cognitive Ethology: The 'Panglossian Paradigm' Defended.' *Behavioral and Brain Sciences*, vol. 6, pp. 343–90.
- , 1995b, *Darwin's Dangerous Idea*. New York: Simon & Schuster.
- , 1997, 'Appraising Grace: What Evolutionary Good Is God?' (review of Walter Burkert, *Creation of the Sacred: Tracks of Biology in Early Religions*), *Sciences*, January/February, pp. 39–44.
- , 1998b, 'The Evolution of Religious Memes: Who – or What – Benefits?' *Method and Theory in the Study of Religion*, vol. 10, pp. 115–128.
- , 2004, 'Holding a Mirror Up to Dupre' (commentary on John Dupre, *Human Nature and the Limits of Science*), *Philosophy and Phenomenological Research*, vol. 69, no. 2 (September), pp. 473–483.
- Dupre, John, 2001, *Human Nature and the Limits of Science*. Oxford: Clarendon Press.
- Durkheim, Emil, 1915, *The Elementary Forms of the Religious Life*. New York: Free Press.
- Dusek, J. A., J. B. Sherwood, R. Friedman, P. Myers, C. F. Bethea, S. Levitsky, P. C. Hill, M. K. Jain, S. L. Kopecky, P. S. Mueller, P. Lam, H. Benson, and P. L. Hibberd, 2002, 'Study of the Therapeutic Effects of Intercessory Prayer (STEP): Study Design and Research Methods.' *American Heart Journal*, vol. 143, no. 4, pp. 577–584.
- Ellison, C. G., and J. S. Levin, 1998, 'The Religion-Health Connection: Evidence, Theory, and Future Directions,' *Health Education and Behavior*, vol. 25, no. 6, pp. 700–720.
- Flamm, Bruce, 2004, 'The Columbia University 'Miracle' Study: Flawed and Fraud.' *Skeptical Inquirer*, September/October, pp. 25–31.
- Frank, Robert, 1988, *Passions within Reason: The Strategic Role of the Emotions*. New York: Norton.
- Grandin, Temple, and Margaret M. Scariano, 1996, *Emergence: Labeled Autistic*. New York: Warner Books.
- John Paul II, 1996, 'Truth Cannot Contradict Truth,' Address of the Pope to the Pontifical Academy of Sciences, October 22.
- Koenig, Harold, Michael E. McCullough, and Donald B. Larson, 2000, *Handbook of Religion and Health*. Oxford: Oxford University Press.
- Longman, Robert, 2000, 'Intercessory Prayer.' Available at <http://www.spirithome.com/prayintr.html>.
- Lung, S.-C. C., M.-C. Kao, and S.-C. Hu, 2003, 'Contribution of Incense Burning to Indoor PM10 and Particle-Bound Polycyclic Aromatic Hydrocarbons Under Two Ventilation Conditions,' *Indoor Air*, vol. 13, p. 194.
- Pinker, Steven, 1997, *How the Mind Works*. New York: Norton.
- Siegel, Lee, 1991, *Net of Magic: Wonders and Deceptions in India*. Chicago: University of Chicago Press.

- Sloan, Richard P., and Emilia Bagiella, 2002, 'Claims About Religious Involvement and Health Outcomes,' *Annals of Behavioral Medicine*, vol. 24, no. 1, pp. 14–21.
- Slone, Jason, 2004, *Theological Incorrectness*. Oxford: Oxford University Press.
- Stark, Rodney, and Roger Finke, 2000, *Acts of Faith: Explaining the Human Side of Religion*. Berkeley: University of California Press.
- Taylor, S. E., and J. D. Brown, 1988, 'Illusion and Well-being: A Social Psychological Perspective on Mental Health,' *Psychological Bulletin*, vol. 103, pp. 193–210.
- Wiesel, Elie, 1966, *The Gates of the Forest*. New York: Holt, Rinehart & Winston.
- Zahavi, A., 1987, 'The Theory of Signal Selection and Some of Its Implications,' In V. P. Delfino, ed., *International Symposium on Biological Evolution, Bari, 9–14 April 1985*. Bari: Adriatici Editrici, pp. 305–327.